

Р

усско-японскую войну 1904–1905 годов часто сравнивают с Крымской войной 1853–1856 годов, а оборону Порт-Артура — с обороной Севастополя и находят в них много общего. При этом историки определенного склада любят рассуждать главным образом о таких неперенных атрибутах этих войн, как «отсталость» царской России и «бездарность» царских генералов. Однако при оценке обстановки редко говорят, что обе эти войны начинались при подстрекательстве западных держав, что они велись в условиях отрицательного отношения к России мирового общественного мнения.

Надо признать, что Крымская война была поддержана всем обществом и вызвала всеобщий патриотический порыв, в том числе писателей и журналистов, а вот русско-японская — наоборот. «...С кафедры, в литературе и прессе систематически проводятся взгляды, что патриотизм недостойн современного «интеллигента», который должен в равной мере любить все человечество, что война есть остаток варварства. Армия — главный тормоз прогресса...» — пишет участник русско-японской войны, впоследствии генерал-лейтенант, Е.И. Мартынов в альманахе «Дворянское собрание». Причем это относилось к России, а не к другой стороне. Почему? Правительственная система тогдашней России не могла устоять против такого безудержного напора извне и изнутри. Отсюда и результаты. Не похожа ли ныне пропагандистская война против России на те времена вековой давности?

Тем не менее, сравнение оборон Севастополя и Порт-Артура вполне оправдано. И в Крыму, и на Ляодунском полуострове проявился негибимый русский дух. Русские и в драматических, если не сказать трагических, ситуациях сумели снискать себе славу. Как в первом, так и во втором случаях весь мир, несмотря на откровенную антирусскую пропаганду, с удивлением и невольным восхищением следил за многомесячными военными действиями вокруг этих крепостей, а враг воспитывал своих солдат на примерах самоотверженности наших воинов.

Севастополь и Порт-Артур во многом схожи по своей судьбе. Это города и базы флотов при прекрасных бухтах, волею судьбы ставшие крепостями, были и остаются апофеозом русской военной славы, несмотря на поражения России в этих войнах. И не вина защитников Порт-Артура, что в их рядах не оказалось руководителей, достойных славы Корнилова, Нахимова, Хрулева... Война дала лишь достойные примеры героизма рядовых в неравной борьбе (подвиг миноносца «Стерегущий», защита Цзиньчжоусской позиции — «ключа» к Артуру — ротами 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка против трех японских дивизий, поддержанных флотом...).

О событиях, происшедших более ста лет назад у восточной окраины России и оказавших влияние на дальнейшие судьбы страны и мира, написано достаточно страниц, большинство из них о доблестной защите Порт-Артура. В отличие от Севастопольской страды, где прославлялись руководители обороны, здесь сплошь критика высоких чинов и слава в адрес рядовых, честно выполнивших свой долг. И это справедливо. Иначе как малодушием, а возможно и предательством, действия начальника Квантунского укрепленного района генерал-адъютанта А.М. Стесселя назвать нельзя. В своем приказе № 915 от 1(14) декабря 1904 года он определяет роль Порт-Артура: «...4) Взять Порт-Артур японцы считают теперь уже для себя необходимым по тому соображению, что, взяв Порт-Артур, они надеются на возможность заключения мира с русскими. Если же Порт-Артур они не возьмут, то им придется поспешить убираться восвояси в Японию». Все верно. А через 19 дней тот же Стессель сдает Артур японцам: «... Я с полным прискорбием в душе, но с полным убеждением, что исполняя священный долг (обычные слова ханжей. — В.К.) решился прекратить борьбу и, установив наивыгоднейшие условия, очистить крепость, которая теперь уже, с потоплением судов эскадры, не имеет важного значения...» (Приказ по войскам Квантунского укрепленного района 20 декабря 1904 года (ст. стиль), крепость Порт-Артур, генерал-адъютант Стессель).

Грешит генерал истиной. Порт-Артур был важен не только наличием в нем кораблей флота России, но и сам по себе, как особо важный стратегический пункт на Дальнем Востоке. Больше того, с получением крепости японцы высвобождали 100-тысячную третью армию для наступления на главные силы русских под Мукденом, а это, поверьте, немалые силы. Столь быстрая сдача Порт-Артура стала неожиданностью как для ее защитников, так и японцев. Вот как об этом свидетельствуют сами участники сдачи: «Здесь я познакомился с японским офицером Генерального штаба, который знал немецкий язык. Мы разговорились. Он сообщил мне, что генерал Куропаткин находится на Шахэ (река на подступах к Мукдену. — В.К.), а Балтийская эскадра около берегов Африки...

«Так вот где наша выручка!» — подумал я.

От этого же офицера я услышал первый комплимент за поразительную оборону Порт-Артура. Но вместе с тем он выразил полное свое недоумение по поводу столь неожиданной для них сдачи.

«Мы предполагали, что вы будете обороняться до самой центральной ограды», — говорил мне японец. Мне стало как-то неловко». (М.И. Лиле. «Дневник осады Порт-Артура»).

Одиннадцатимесячная осада Порт-Артура стоила японцам 70 000 человек, то есть Япония потеряла под его стенами целую армию. В этом заслуга и доблесть рядового российского солдата, матроса и офицеров, которые на высокопарные слова последнего приказа недоуменно задавали вопрос: «Все горит, все прахом пропадает! Скажите, Ваши превосходительства, за что так страдали, за что столько пролито здесь нашей солдатской крови?»

Официальные документы не всегда доносят истину событий, тем более их дух.

Значительно правдивее воспоминание очевидцев, участников событий, заносивших свои впечатления в дневники. И хотя эти записи не могут представлять общую картину, но, взятые в отдельности, сведенные в единую систему, они дают ключ к пониманию не только события, но и той эпохи. Об этом очень убедительно сказал в своем стихотворении «Оскал истории» поэт Юрий Баранов:

Кто сказал — история в архивах?
Гриф «секретно» тайну не спасет.
Очевидцев, прежде молчаливых,
Говорить настанет свой черед.

Понимая это, высокие чины всячески пытались по-своему «выправить» такие свидетельства истории. В этом отношении любопытен один документ, имеющий прямое отношение к защите Порт-Артура. 30 марта 1905 года управляющий Морским министерством вице-адмирал Ф.К. Авелан дал распоряжение главному командиру Кронштадтского порта адмиралу А.А. Бирилеву: «Ввиду малочисленности официальных документов о действиях порт-артурского флота и его чинов в отдельности за истекший период войны, прошу ваше превосходительство обязать командиров всех судов и миноносцев, и офицеров, имевших отдельное командование на береговых позициях Порт-Артура, представить за мое имя, в возможно непродолжительном времени, заказным конфиденциальным письмом, описание, по своим личным впечатлениям, всех событий, в которых они принимали участие. Было бы желательно особенно подробно изложить все морские события с указанием возможных причин и следствий, а также выводов, которые бы могли служить к наилучшему освещению специальных вопросов, дабы всецело воспользоваться уроками текущей войны. Критика действий других лиц, по вполне понятным причинам, не может быть допущена в этих описаниях».

Надо честно признать, что российский флот, под руководством известных адмиралов О.В. Старка и В.К. Витгефта, не проявил особой доблести при защите Порт-Артура. И С.О. Макарову не суждено было активизировать действия флота. Бездеятельность сил флота позволила японцам почти беспрепятственно овладеть портом Дальний. А дальше и перебросить почти полумиллионную армию на материк.

Возможно, у О.В. Старка и В.К. Витгефта были другие способности, но никак не боевой азарт во благо Родины. Пассивность В.К. Витгефта, принявшего командование эскадрой после гибели Макарова, позволила японцам спокойно начать высадку 5 мая 1904 года 2-й армии генерала Ясуката Оку севернее Порт-Артура. Не встретив сопротивления, 2-я армия перерезала железнодорожную ветку на Порт-Артур, чем была начата сплошная блокада крепости. Направленный на выручку крепости 1-й Восточно-Сибирский корпус генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга (около 30 тысяч) потерпел поражение 14–15 июня в бою под Вафангоу. 30 июля 1904 года японцы вышли на ближние подступы к Порт-Артуру и начали его осаду.

Анализируя сегодня те далекие, вековой давности события, приходишь к выводу, что не столь уж японцы превосходили нас в боевой мощи. Но сказались наша вечная неподготовленность и беспечность. В командовании, выражаясь современным языком, преобладал неблагоприятный человеческий фактор. Большинство генералов и адмиралов не было готово к войне.

После ночной атаки японских миноносцев, утром 9 февраля, к Порт-Артуру подошли главные силы японского флота и приступили к обстрелу крепости. Получив отпор, начали отход. Вся наша эскадра готовилась уже к преследованию противника. Самого командующего эскадрой адмирала Старка в момент появления японцев перед крепостью на эскадре не было. Сигнал «Сняться эскадре с яко-

ря!» был дан капитаном 1 ранга Эбергардом. Адмирал же прибыл позже и уже на ходу пересел со своего катера на броненосец «Петропавловск». Но в этот момент наместником (Е.И. Алексеев 1843–1918 гг.) почему-то на Золотой горе был поднят сигнал с приказом — «Эскадре вернуться к крепости!» Возвращение эскадры было одной из крупнейших ошибок нашего флота за всю последующую войну. Именно в этот момент эскадра наша должна была преследовать японцев и заставить их принять бой в открытом море. Силы были приблизительно равны. Но нерешительность командования обрекла флот практически на стороннего наблюдателя боевых действий.

Но не только флот не был готов к отражению японского нападения. В роковую ночь на 9 февраля войскам гарнизона приказано было занять форты. Части успешно выступили в назначенные места. Но войска и командиры полков очень плохо знали расположение крепости, а необходимых маневров для этого своевременно почему-то не проводилось. Произошла страшная путаница: одни части занимали не свои позиции, другие заняли форты без патронов, третьи имели только караульные патроны в подсумках... Сам наместник Алексеев был в растерянности от неожиданного нападения.

Кругом были неподготовленность, несогласованность и прочие неурядицы. Одним словом, учиться воевать приходилось в ходе войны и осады крепости. С этой задачей успешно справился рядовой и офицерский состав, но никак не генеральский. Четыре штурма Порт-Артура не увенчались успехом. И когда 15 декабря погибли самые стойкие защитники крепости во главе с генералом Р.И. Кондратенко, участь крепости решили слабовольные руководители обороны во главе с генерал-адъютантом Стесселем.

Это признала и следственная комиссия, образованная по повелению императора. На основании данных комиссии частное присутствие (из 6 генералов под председательством генерала от артиллерии П.А. Салтанова) представило 7 апреля 1907 года всеподданнейший доклад, в котором согласилось с мнением следственной комиссии и дополнительно отметило, что сдача крепости была неожиданностью почти для всего гарнизона Порт-Артура. Главным виновником этой, по мнению частного присутствия, позорной акции были генералы Стессель, Фок и Рейс.

Генерал-лейтенант Смирнов и контр-адмиралы Лоцинский, Григорович, Вирен и Щенсевич признаны подлежащими ответственности лишь за «бездействие власти», а вице-адмирал Старк оправдан как не имевший отношения к капитуляции Порт-Артура. Уголовному суду были преданы генералы Стессель, Смирнов, Фок и Рейс. Суд провел 41 заседание и признал генерала Стесселя виновным в том, что сдал крепость, не употребив всех средств к дальнейшей ее обороне, и приговорил его к смертной казни через расстрел. Но, принимая во внимание и очевидные заслуги Стесселя (долгая и упорная оборона, отражение нескольких штурмов с огромными для противника потерями, безупречная прежняя служба), суд смягчил меру наказания, заменив казнь на десятилетнее заточение в Петропавловской крепости.

4 марта 1908 года (через 3 года после сдачи) Николай II утвердил приговор. Одновременно был опубликован Высочайший приказ по армии и флоту, в котором говорилось: «...Верховный суд, карая виновника сдачи, вместе с тем в полном величии правды восстановил незабвенные подвиги храброго гарнизона...» В честь их доблести еще 21 января 1906 года была учреждена медаль войскам, участвовавшим в войне с Японией, с курьезной надписью на оборотной стороне славянской вязью: «ДА — ВОЗНЕСЕТЬ — ВАСЪ ГОСПОДЪ — ВЪ СВОЕ — ВРЕМЯ». Все участники защиты Порт-Артура были награждены этой медалью в серебряном исполнении.

Вроде бы виновники были наказаны, но государственная и военная системы

остались вне критики. Радикального излечения русско-японская война, увы, России не принесла. Возможно, потому, что прогрессела она слишком далеко от столиц и практически не оказала влияния на чиновников и предпринимателей, даже скорее дала им нажиться.

Я специально мало затрагивал военные и технические аспекты обороны Порт-Артура. Об этом написано достаточно. Больше уделено внимания моральной стороне этого события, ведь они, пожалуй, самые главные во всех военных столкновениях. Это наглядно подтверждает и Победа в Великой Отечественной войне.

Память о русско-японской войне, героическая оборона и безосновательная сдача Порт-Артура возвращают нам память и вновь заставляют задуматься над уроками, которые дает нам история, своя и соседей. Нельзя унижать свою армию и флот, ибо нет в мире постоянных друзей!

* * *

Много рассказов об этой войне я слышал от моего деда, верхнедонского казака Афанасия Фатеевича Кулинченко. Он был призван на фронт в 1904 году. Прошел всю войну.

Всего за период с января 1904 года по август 1905 года было мобилизовано 4 887 донских казаков. Но не только казаки участвовали в той войне. Уроженцы Воронежской губернии были и в других родах войск. Вот недавно получил весточку с малой родины от товарища Владимира Котова, дед которого Анисим служил в лейб-гвардии и участвовал в русско-японской войне. К сожалению, слушая рассказы дедов о войне и будучи еще детьми малыми, мы как-то не догадались тогда зафиксировать их на бумаге.

И вот Владимир пишет мне, что, копаясь в старых семейных бумагах, обнаружил записки деда, который, видно, пытался оставить внукам память о той войне. Один эпизод привожу здесь, о котором, признаться, услышал впервые, так как в литературе на эту тему не встречал ничего подобного:

«Армия наша не была готова к войне, и япошки нас молотили, как хотели. Спасение было одно — наши штыковые атаки, которых они как черта боялись. В штыковых атаках мы были непревзойденными бойцами. И вот как-то их офицеры предложили нашим офицерам, чтобы не губить людей, сойтись в кулачном бою. Наши офицеры согласились — давайте подеремся.

Выставили примерно по батальону, и по сигналу трубы сошлись на кулаках. Обе стороны дрались отчаянно, и в результате наших побили. Были поломаны руки и ноги, перебиты челюсти, поранены головы. Для нас это была катастрофа.

Наши офицеры-дворяне поняли, что с их стороны выступали тренированные бойцы, самураи, элита Японии.

Прошло несколько дней. Япошки опять кричат: «Рус, давай подеремся!»

За это время наши офицеры тренировали батальон по ночам рукопашному бою — учили беречь кулаки и бить ногами... в пах.

И вот сошлись опять. Самураи явно не ждали нашего натиска и сокрушительного болезненного приемчика, и мы гнали япошек до самых ихних окопов. Была победа!..»

